

продолжение двадцати пяти лет один миллион рублей ассигнациями в Петербургский опекунский совет в пользу воспитанников князя баронов Сердобиных. Заметим, что эта сумма являлась ничтожной по сравнению с реальной стоимостью.

Интересно, что в своем завещании князь записал даровать после его смерти свободу 1372 крепостным душам надеждинского имения за их многолетнюю службу при князе в годы его опалы. Этот поступок также получил широкую огласку и одобрение (см., например, статью «Благодеяние» в Вестнике Европы (Ч. XXXIII, июнь, № 12. М. 1807. С. 279—283), но воля князя после его смерти наследниками исполнена не была.

⁶ Князь не упустил случая прославиться и вскоре посвященная ему статья под заголовком «Freue Ackerbauern» была опубликована в четырнадцатой книжке журнала за ноябрь 1804 года на страницах 84—92 (она входит в 5 том журнала с датой 1805 на титульном листе).

⁷ Марии Феодоровны.

⁸ Павел I именным указом своим от 2 мая 1797 года повелел о принятии императрицей Марией Феодоровной главного начальства над воспитательными домами в обеих столицах, таким образом открыв для супруги обширное поприще, благодаря чему имя императрицы навсегда созвучно с благотворительностью.

Упомянутое положение печаталось в журнале под заглавием «Wohlthätige Wirksamkeit der Kaiserinn-Mitter», начало — в десятой книжке (июль 1804, с. 5 — 23), продолжение в одиннадцатой (август 1804, с. 127—136).

Приложение I

Ипполит Федорович
Богданович

Мы помещаем здесь неизвестное стихотворение И. Ф. Богдановича, которое поэт послал в подарок князю Александру Борисовичу при своем письме от 9 мая 1802 года¹. Публикуемое стихотворение интересно еще и тем, что оно написано поэтом за полгода до смерти и является одним из последних творений «певца Душеньки».

Стихи от проезжаго к Ульяне, сиротке в деревне, просящей милостыни.

В весне цветущих лет, богатая красами,
 И крайней скудости пример под небесами,
 Тебе ль принадлежит твой образ нищеты?²
 Ульяна! Дай сама мне милостинку ты!
 Твой взор не есть ли дар? И лъзя ли понапрасну
 Природе произвестъ Ульяну так прекрасну?
 Не толи голубой небесный луч зорков,
 Под занавесою ресниц густых, чернявых,
 И белости лилей, и алости шипков,
 Разсыпанных в тени волос темнокудрявых?²
 Не толи стройный ряд жемчужистых зубков,
 В отверстой пурпурной дверщ дыханий райских,
 Иль тихо веющих Зефиров тепломайских,
 Когда они дышат от Южных облаков?²
 Не толь отродия щедротливых богов,
 Легкоподатныя, пригожия ладоши?²
 Не толи складныя, уютистыя ножки,
 Возвестницы своих имуществ и даров?²
 Не толи нежныя карминистыя губки,
 Зовущия ко тьмам целуев и смехов?²
 Не толь стыдливыя зачинных роз вылупки,
 Бегущия от глаз под спорливый покров?²
 Не толь волшебных тайн и прелестей преграда
 Влокущия к себе обвороженны взгляды?²
 Ульяна! В простоте, ты низишь все наряды,
 Ты дарствуешь прося, господствуешь служа:
 О! Как бы ты была в наряде госпожа!

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 200. Л. 61 — 61 об. Автограф. Письмо, сохраняющееся в бумагах князя (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 200. Л. 60—60 об.) напечатано нами в соответствующем разделе настоящей книги.

